

• большая детская библиотека •

Р. ПОГОДИН

КИРПИЧНЫЕ
ОСТРОВА
Повести

Большая детская библиотека

Радий Погодин
Кирпичные острова

«Издательство АСТ»

1958

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Погодин Р. П.

Кирпичные острова / Р. П. Погодин — «Издательство АСТ»,
1958 — (Большая детская библиотека)

ISBN 978-5-17-160790-6

Радий Погодин – известный детский писатель. Герои его произведений – обычные мальчишки и девчонки. Таких можно встретить в каждой школе. С ними случаются интересные истории. Кешке, например, однажды подарили белую мышь. Мальчишка был счастлив, только вот мама и соседи не разделили его восторга... А Гришку отправили в дальнюю деревню к дяде Феде. Там не только деревенские ребята и дядины товарищи, но и говорящие воробьи, и козёл Розенкранц с непростым характером. Всё для того, чтобы укрепить тело и вырастить душу. В книгу вошли повести «Кирпичные острова» и «Книжка про Гришку». Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160790-6

© Погодин Р. П., 1958
© Издательство АСТ, 1958

Содержание

Кирпичные острова	6
Как я с ним познакомился	6
Кто нагрел море	8
Неприятностей не оберёшься	9
Снежинка	11
Пират	14
Чижи	18
Просто история	21
Взрыв	23
День рождения	28
Копилка	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Радий Петрович Погодин Кирпичные острова

© Погодин Р. П., насл, 2024

© Беланов Н. В., ил., 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Кирпичные острова

Как я с ним познакомился

Есть у меня друг – замечательный человек и хороший геолог. Работает он на Севере, в Ленинград приезжает редко, писем совсем не пишет – не любит. От людей я слышал, что семья моего приятеля переехала на другую квартиру. Я поспешил по новому адресу: авось узнаю что-нибудь о товарище, а повезёт, так и его самого повидать.

Дверь мне открыл мальчишка лет восьми-деяти. Он показался мне немного странным, всё время поёживался, на меня не глядел, прятал глаза. Мальчишка сказал, что друг мой ушёл утром и ещё не приходил. Говорил он, не разжимая рта, сквозь зубы, и очень торопился. Наверное, я оторвал его от интересной игры. Ну, а мне торопиться некуда. Я вошёл в комнату, сел на диван и стал читать книгу. Прочитал страничку, прочитал другую, слышу, за стенкой кто-то запел.

Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан...

Поёт человек и пусть себе поёт, если ему весело. Я сам люблю петь. Только я это подумал, как за стеной снова раздалось:

Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан...

Теперь он пел громче, почти кричал, а на словах «лихие эскадроны» подвывал немного и захлёбывался. Потом запевал опять и опять... и всё про партизан. Я пробовал читать книгу, но у меня ничего не получалось. Певец так завывал, что я не вытерпел, вышел в коридор и постучал в соседнюю дверь. Песня раздалась ещё громче. Я даже удивился, как это можно так петь. Я постучал ещё раз и ещё... Наконец пение прекратилось, за дверью раздалось шмыганье носом и глухой голос сказал:

- Чего?
- Послушайте, не можете ли вы петь потише?
- Ладно, – согласился певец и тут же заорал так громко, что я попятился от двери:

Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан...

Потом началось что-то совсем непонятное. «Шли лихи-и... Шли лихи-и... Шли лихи-и...» – выкрикивал певец не своим голосом.

Я совсем растерялся. Может быть, за дверью сумасшедший? И тогда надо звать на помощь докторов, санитаров. Может быть, это очень опасный сумасшедший, и на него нужно надеть смирительную рубашку. Я осторожно приоткрыл дверь и увидел: лежит на оттоманке тот самый мальчишка, что впустил меня в квартиру, кусает подушку, бьёт ногами по валику и горланит песню. А из глаз его бегут слёзы.

- Чего это ты орёшь? – спросил я.
- Мальчишка стиснул зубы, сжал кулаки.
- Ухо болит. – Потом лягнул ногой и снова запел: – Шли лихи-и...

– Вот смешной! – начал было я. – Ухо болит, а ты поёшь. – Но мальчишка посмотрел на меня такими глазами, что я прикусил губу. Я догадался.

Когда я был солдатом, у меня тоже однажды заболело ухо ночью в казарме. Плакать солдатам нельзя ни за что. Я ворочался с боку на бок, так же вот грыз подушку и сам не заметил, как раздвинул прутья на спинке кровати и сунул между ними голову. Потом боль утихла, и я уснул. А когда проснулся, то не мог встать, не мог вытащить обратно голову. Пришлось двум солдатам разжимать прутья, а ночью я разжал их один. Вот какая была боль.

Я с уважением глянул на мальчишку, а он на меня – залитым слезой глазом. Он молчал, и ему это было очень трудно.

Я бросился звонить по телефону в поликлинику. Меня долго расспрашивали, что болит, у кого болит... Наконец сказали: «Будет доктор».

Я ходил по комнате, и, как только за стеной раздавалось про партизан, я начинал подпевать. Вот так мы пели: он в одной комнате, я – в другой.

Скоро приехал врач – молоденькая чернобровая девушка в белом халате. Она сразу спросила:

– Где больной?..

Я показал на мальчишкину дверь. А он там снова загорланил про своих партизан.

– Как вам не стыдно обманывать? – рассердилась девушка доктор. – Какой же это больной, если он песни распевает таким диким образом?

– Доктор, это настоящий больной, это такой больной... – И я рассказал всё как есть. Девушка вошла в комнату к мальчишке и твёрдым голосом сказала:

– Смирно!.. Прекратить пение!

Мальчишка затих, сел на оттоманке. Сидеть смирно ему было трудно, у него всё время дёргались ноги.

Девушка-доктор налила ему в ухо пахучей жёлтой камфары, обложила ухо ватой и завязала бинтом. А меня заставила вскипятить воду для грелки.

Пока мы возились, мальчишка молчал, только губы у него шевелились: он потихоньку – про себя – пел свою песню.

Девушка доктор скоро ушла к себе в поликлинику. Больной уснул. А я сидел в комнате рядом, ждал своего друга и думал: «Что это за мальчишка, который умеет петь в такие минуты, когда взрослые и те подчас плачут?..»

Позже я узнал, что имя у него очень весёлое – Кешка, и слышал много всяких рассказов о нём и его товарищах.

Вот они.

Кто нагрел море

Когда Кешка был совсем маленьким, он ездил с мамой далеко на Чёрное море, в Крым.

Кешкина мама работала на заводе и училась в вечернем институте. На заводе ей дали путёвку, чтобы отдохнула как следует, загорела. Мама решила взять Кешку с собой. Все ленинградские знакомые говорили: «Чёрное море не такое, как наше – Балтийское. Оно громадное и очень тёплое». Ещё они говорили, что по Чёрному морю проходит государственная граница с Болгарией, Румынией и Турцией... Кешка был страшно горд оттого, что всё это увидит своими глазами.

Приехал Кешка в Крым поздно вечером и едва дотерпел до утра – так ему хотелось увидеть Чёрное море.

Рано утром мама велела Кешке надеть сандалии, и они отправились на пляж.

Море действительно было очень большое. По краям густо-синее, а посередине сверкало золотым, розовым и серебряным. Кешка сразу захотел купаться. Он скинул сандалии, майку и даже трусики. Но мама сказала:

– Подожди, нужно воду попробовать. – Она немного походила по краешку моря, у самого берега, и покачала головой. – Холодная вода, Кешка. Купаться ещё нельзя.

Кешка тоже попробовал воду ногой. Конечно, мама немного преувеличивала, но вода всё-таки холодная. Зато круглые камушки, которыми усыпан весь пляж, были тёплые. Эти камушки назывались смешно: галька.

Солнце висело ещё низко, там, где море с небом сходится, у горизонта. Но мама разделась, постелила свой халат и предложила Кешке:

– Ложись загорай, утром загар самый лучший.

Кешка лежать не захотел. Он ходил по пляжу и всё смотрел на море. Хотел увидеть болгарскую, румынскую и турецкую границы. Но так ничего и не увидел, кроме белых ленивых чаек. Мама скоро уснула, а Кешка принялся собирать гальку. Камушки были очень красивые и все, как один, тёплые.

«А что, – подумал Кешка, – если эти камушки побросать в море, оно нагреется, и тогда можно будет купаться». Он пошёл к берегу и бросил в море камень. Потом ещё и ещё.

На пляже стал собираться народ, все смотрели на Кешку и думали, что он просто балуется – пускает блинчики. А Кешка никому не говорил, какое он делает нужное дело.

Солнышко поднималось всё выше. Камушки становились всё горячее. А Кешка кидал и кидал их в воду один за другим.

Маленькие волны, которые тоже смешно назывались – «барашки», – закатывались на берег и тихо, одобрительно шуршали: «Пррравильно, малышшшш-ш...»

Потом проснулась мама, посмотрела на солнышко, подошла к воде.

– Ну вот, – сказала она, – теперь вода в самый раз, можно купаться... Солнышко постарлось.

Кешка засмеялся, но спорить с мамой не стал. Мама спала и, конечно, не видела, кто нагрел море. Можно ведь ей ошибиться.

Неприятностей не оберёшься

Утром Кешку разбудили мамины холодные руки. Кешка ёжился, залезал поглубже под одеяло. Но руки настигли его и там.

Мама приговаривала:

– Вставай, соня, зима!.. Белые мухи прилетели.

Кешка высунул голову из-под одеяла.

– Обманываешь, белых мух не бывает.

Мама повернула его голову к окну, и он увидел, что за стеклом медленно летят белые хлопья. Они кружатся, обгоняют друг друга, садятся на голые ветки большой липы.

Кешка в одних трусах побежал к окну. Улица белым-бела. И трамваи, и автобусы, и «Победы», и ЗИМы – все в белых накидках. У прохожих, которые остановились почитать газету, появились на плечах пушистые белые воротники.

– Снег! – закричал Кешка. А мама засмеялась.

* * *

Было воскресенье, и Кешка сразу же после завтрака помчался во двор повидать Мишку, главного своего друга, который учился на два класса старше. И ещё надо было поговорить с Круглым Толиком, но... Первой, кого Кешка встретил во дворе, оказалась Людмила. По правде сказать, Кешка не очень-то хотел с ней встречаться. Она вечно дразнилась: «Кешка-Головешка...» А попробуй за ней погнаться – пулей влетит в свою парадную и заорёт на весь дом: «Маа-мааа!»

В другой день Кешка прошёл бы мимо Людмили, не стал бы с ней даже разговаривать. Он так и хотел сделать, но язык сам по себе взял и сказал:

– Людмила, я всё про снег знаю! Что!..

– Я тоже знаю, – ответила Людмила и поймала на варежку большую снежинку. – Снег – это такие звёздочки.

– А вот и нет!.. Снег – это замёрзлая вода. С тёплых морей к нам прилетают облака, туманы и здесь от мороза превращаются в снег.

– Врёшь, – насупилась Людмила, – всё врёшь.

Кешка взял Людмилину руку и поднёс к своему лицу.

Звёздочка дрожала на длинных шерстинках, вот-вот улетит. У неё было много лучей, некоторые напоминали копыя, а некоторые – еловые ветки.

– Кто же из воды такую сделает? – победно прошептала Людмила.

Тогда Кешка широко открыл рот и легонько, чтобы звёздочка не улетела, стал дуть... Острые концы у копий затупились, еловые ветки начали вянуть, опадать... Звёздочка съежилась, подобрала свои лучи под себя и вдруг превратилась в блестящую круглую каплю...

– Вот, не верила... – поднял голову Кешка.

Глаза у Людмили стали синими, как вода, в которой подсиняют бельё. Она топнула ногой и закричала:

– Ты зачем на мою варежку наплевал?!

– Ты что? – возмутился Кешка. – Просто снежинка растаяла.

Людмила и сама это видела, но что поделаешь, характер у неё был такой никудышный.

– Нет, наплевал, – твердила она. – Хулиган...

– Это я хулиган? – рассердился Кешка. – Тогда ты... ты... – Он ещё не придумал, что сказать, а Людмила уже выпалила:

– Кешка-Головешка!..

Кешка был мальчишка такой, как и все. И ему пришла в голову мысль такая, как и всем мальчишкам, когда их дразнят или оскорбляют. Он сжал кулаки и шагнул вперёд.

– Ах так, Людмила... Вот я тебе сейчас задам...

Но не тут-то было. Людмила, словно мышь, юркнула в свою парадную и, задржав голову, заголосила:

– Ма-а-ма-а!.. Меня Кешка бьёт!..

На крик к парадной прибежали Мишка и Круглый Толик.

– Ты ей правда поддал? – спросил Мишка.

– За что? – поинтересовался Толик.

– Не успел ещё, – огорчённо признался Кешка. – Дразнится всё время... И ещё врёт...

Тут Людмила высунула голову из парадной и скучным голосом прокричала:

– Хулиган!.. Ты зачем мне на варежку наплевал?..

Мишка и Толик посмотрели на Кешку. Оба удивлённо подняли брови.

– Опять врёт... Ничего я не плевал. – И Кешка рассказал про снежинку.

– Н-да... – произнёс Мишка и посоветовал: – Слышишь, ты с девчонками лучше не связывайся, с ними всегда неприятностей не оберёшься...

– Ну уж... – возразил Толик, – есть ведь, наверно, хорошие девчонки на свете.

– За всю жизнь не встречал, – заявил Мишка.

– А все мальчишки хулиганы!.. – прокричала Людмила из своей парадной. Но мальчишки сделали вид, будто это их не касается.

Снежинка

Кешка играл один у поленницы и уже собирался домой, когда увидел Мишку. Мишка выскочил во двор в старых, разбитых валенках. Шея у него была как попало замотана шарфом, зато расстёгнутое пальто он туго запахнул и даже придерживал рукой. Мишка был чем-то расстроен. Он часто подносил руку в пёстрой варежке к лицу, сердито сопел и тёр у себя под носом. Заметив у поленницы Кешку, Мишка подошёл к нему и, глядя себе под ноги, угрюмо произнёс:

– Кешка, ты правильный человек... Хочешь, я тебе подарок сделаю?

– Хочу, – живо согласился Кешка.

– А не откажешься? – не отрывая глаз от своих валенок, спросил Мишка.

– Кто же от подарков отказывается? – простодушно удивился Кешка. Его друг не любил бросать слова на ветер и, если заговорил о подарке, – значит, подарит. Только что?.. Кешку ужасно мучило любопытство, но в таких случаях нужно сохранять абсолютную невозмутимость и спокойствие. А Мишка между тем посопел немного, преодолевая последнее жестокое сомнение – отдавать или нет? – и решительно произнёс:

– Ладно... Только смотри – береги и заботься... Я тебе её как лучшему другу дарю. – Мишка оттянул воротник и тихо позвал: – Шкряга... Шкряга... – И вдруг из-под Мишкиного шарфа высунулась белая мордочка, дёрнула острым носом, метнула туда-сюда красными глазками и спряталась.

– Что это за чудо? – спросил Кешка.

Мишка усмехнулся и сообщил, что это вовсе не чудо, а обыкновенная белая крыса.

– Очень умная, – убеждал он. – У вас в квартире ни одной мыши не будет – всех пожрёт. А чистоplotная – ужас... Шкряга, Шкряга, – позвал он снова ласковым голосом.

Крыса опять высунулась, только теперь из рукава. Осмотрелась и вылезла вся. Была она большая, с ладонь, только гораздо уже, очень красивая – вся белая как снег. Правда, длинный хвост немного портил её: он был розоватый и весь голый.

– Шкрягечка, – приговаривал Мишка, – ты не бойся, у Кешки тебе хорошо будет: он добрый... Ты слышишь, Кешка? Колбасой её иногда корми.

– Ладно, – согласился Кешка; ему не терпелось скорее заполучить крысу. Смущало его только крысиное имя – Шкряга. – Мишка, а почему её так чудно зовут?

– Это её моя мамаша так прозвала; у неё к животным никакой симпатии нет. Хочешь, выдумай другое имя, Шкряге всё равно. – Мишка погладил крысу по снежной шкурке, вздохнул и сунул подарок в Кешкины руки.

Кешка осторожно принял зверька. А Мишка крепко потёр варежкой под носом и молча пошёл к себе на первый этаж.

Так началась эта история, немножко смешная и немножко печальная.

Первым делом Кешка дал Шкряге новое имя: теперь она называлась Снежинкой. Потом Кешка накормил Снежинку колбасой, как велел Мишка, постлал в коробку из-под ботинок вату.

– Теперь это твой дом, – сказал он. – Спи, Снежинка, – и засунул коробку с крысой под мамину кровать. Кешкина постель была на оттоманке.

Утром Кешка проснулся первым; мама ещё спала. Кешка сразу же полез посмотреть Снежинку. В коробке её не оказалось. Тогда Кешка забрался под кровать глубже – может, Снежинка спряталась там среди старых игрушек. Но крысы не было видно. Кешка выбрался обратно, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить маму, и тут он увидел Снежинку. Она сидела у мамы на груди столбиком – умывалась. Кешка так и замер.

Неприятности могут случаться в любое время суток, но самое плохое, когда они случаются утром, – считай, что весь день испорчен.

Кешка сидел у кровати ни жив ни мёртв. А мама открыла глаза, мигнула, потом крепко зажмурилась и потрясла головой. Крыса по-прежнему усердно вылизывала шёрстку и добродушно поглядывала на маму красным, как огонёк, глазом.

– Кешка, что это значит? – спросила мама шёпотом.

– Ничего... Это Снежинка...

Мама взяла крысу двумя пальцами за загривок и бросила её на Кешкину постель.

– Очень остроумно, – сказала мама сухо, потом встала, накинула халат и принялась поправлять у зеркала свои пушистые волосы. Кешка заметил, как мама смочила пальцы одеколоном и вытерла их об халат.

– Сегодня ты крысу принёс, а завтра притащишь жабу...

– Я её ещё вчера принёс, пока ты в кино была. А жабы зимой не водятся.

Снежинка тем временем перебралась с Кешиной постели на стул, со стула по скатерти на стол и принялась выкатывать с большой фарфоровой тарелки румяное яблоко.

– Сними её сейчас же со стола! – крикнула мама, поморщилась и добавила: – Если бы не этот ужасный хвост!..

Утром мама всегда очень торопилась: опаздывать на работу нельзя. Она на скорую руку завтракала и подчас даже не успевала убрать постель – это входило в обязанности Кешки.

Сегодня мама, по обыкновению, села за стол, не дожидаясь сына. Только поднесла сосиску ко рту, как тихо охнула... Выронила вилку. У неё на плече сидела Снежинка и поводила своей лукавой мордочкой. Мама стряхнула её, поднялась из-за стола и сказала ледяным голосом:

– Чтоб сегодня же крысы не было!

– Ма... – начал было Кешка.

– Никаких «ма»... – Мама ушла, напомним в дверях: – Слышал, что я тебе сказала?..

В приоткрытую дверь тянуло холодком из коридора. Расстроенный Кешка застелил постели, потом пошёл в кухню мочить веник. Там он застал такую картину.

Посреди кухни, на табуретке, стояла соседка тётя Люся в длинном халате и растерянно шептала:

– Не лезь на меня... Слышишь, не лезь! – А по её халату спокойно взбиралась Снежинка. Тётя Люся, должно быть, не нравилась ей. Стоило халату шевельнуться, как Снежинка поднимала острую мордочку и начинала фыркать.

– Ещё фыркает! – осторожно возмущалась тётя Люся. – Я тебе говорю?.. Не лезь!.. – Но Снежинка не обращала на протесты никакого внимания. Тётя Люся беспомощно закатывала глаза, трясла в воздухе полными белыми руками. Увидев Кешку, она скривила побелевшие губы. – Кешка, сними с меня это... В обморок упаду!..

Кешка испугался: падать с табурета всё-таки высоко. Он подбежал к тёте Люсе, снял Снежинку и сунул её к себе под майку.

– Что ты делаешь? – ахнула тётя Люся. – Выброси её сейчас же на помойку.

Но Кешка унёс Снежинку в свою комнату.

– Снежинка, Снежинка, не любят тебя здесь, – угрюмо рассуждал он. – И обратно тебя отдать нельзя – ты подарок.

Снежинка сидела на подушке, чесала передней лапкой за ухом, – наверно, тоже думала, как тут быть.

Кешка подмёл пол, посадил Снежинку за пазуху и понёс мусор в ведро. У дверей кухни стояла тётя Люся со шваброй в руках. Она просунула голову в кухню и ласково звала:

– Крыс, крыс, крыс... Иди сюда, маленькая.

– Её зовут Снежинка, – хмуро сообщил Кешка.

Тётя Люся смутилась.

– Подумаешь, принцесса, – проворчала она.

Потом пришёл тётин Люсин знакомый, дядя Боря. Они всегда вместе ходили на работу. Дядя Боря строго посмотрел на Кешку и сказал:

– Кешка, я всегда считал тебя серьёзным человеком, а ты с крысами возишься... Позор!

– Чего она вам сделала? – не выдержал Кешка. – Чего вы её ненавидите?

Дядя Боря поправил очки, поднял плечи.

– Как чего?.. Она же крыса...

Этого Кешка не понял. Он прижал Снежинку к своему боку и молча зашагал в ванную умываться. Пока он умывался, Снежинка шмыгала у него под ногами, залезала под тазы, под ванну. Но, когда Кешка вытерся полотенцем и стал звать её, она не выбежала к нему. Кешка облазил всю ванную. «Снежинка, Снежинка!» – звал он её и на кухне, и в коридоре – крыса не появлялась.

Через час, а может быть и через два, Кешка услышал под кроватью возню. Он, конечно бросился туда. Снежинка вытаскивала из коробки вату, и не успел Кешка ничего сообразить, как она помчалась в коридор с ватой в зубах. Кешка бросился вдогонку. Снежинка метнулась в ванную и пропала вместе со своей ношей. Кафельная плитка была разбита, на её месте темнела небольшая круглая дыра.

Вечером в кухне собрались все жильцы. Тётя Люся рассказывала, как её чуть до смерти не защекотала какая-то мерзкая крыса. Все укоризненно посматривали на Кешку, а мама переставляла на плите кастрюли так, что они гремели на всю кухню. Тётя Люся кончила рассказывать и направилась в ванную мыться. И вот тут Кешка увидел Снежинку в последний раз. Сначала в ванной раздался истошный визг, затем крик: «Не тронь, бессовестная!!!» Все бросились в ванную, Кешка – первый.

Тётя Люся стояла в ванне, подобрав полы халата; перед ней на табуретке сидела Снежинка и преспокойно отгрызала с красивой тётиной Люсиной туфли меховой помпон. Помпона на второй туфле уже не было.

Дядя Боря схватил кочергу, но Кешка загородил ему дорогу, а Снежинка спрыгнула с табурета и потащила помпон к дырке. Там она остановилась. Кешке показалось, что она посмотрела на него и подмигнула. Потом крыса засунула помпон в дырку и скрылась.

После этой истории тётя Люся целую неделю ходила в кухню, а особенно в ванную, со шваброй. Дядя Боря здоровался с Кешкой очень холодно. А Мишка, встречая своего приятеля, ожесточённо тёр под носом и говорил:

– Ладно, Кешка, не расстраивайся... Она там, наверно, гнездо свила.

Несколько раз до ребят доходили слухи, будто в соседних квартирах среди дня появляется отважная белая крыса и на глазах у людей таскает разные продукты. Мишка и Кешка очень боялись, что Снежинка попадёт в крысоловку. Но скоро слухи о ней прекратились: наверно, Снежинка навсегда ушла из этого дома.

Пират

Вечером мама шила Кешке новый костюм, а сам он сидел в коридоре и строгал себе саблю. На завтра была назначена игра в пиратов. Мишкин отряд решил захватить в плен сурового ангорского кота Горыныча. Горыныч был бродяга и бандит. Он уже несколько лет обитал на чердаках, в подвалах, неизвестно чем питался и ужасно выл по ночам на верхних площадках лестниц.

Так вот, Кешка строгал себе саблю и вдруг услышал, что в дверь кто-то потихоньку скребёт.

– Кто там? – шёпотом спросил Кешка.

За дверью раздалось повизгивание. Кешка отодвинул задвижку, приоткрыл дверь. На площадке сидел маленький, дымчатого цвета щенок, тихо скулил и умоляюще глядел на Кешку.

– Ты чей? – шёпотом спросил Кешка.

Щенок поднялся на толстые лапы, пододвинулся к Кешке и легонько тявкнул, словно хотел сказать: «Можно»?

Не мог Кешка допустить, чтобы щенок замерзал на лестнице.

Щенок просунул в щёлку толстые, словно надутые бока, встряхнулся и стал обнюхивать мамины боты, Кешкины калоши, метёлку в углу. Потом он хитро посмотрел на Кешку и неуклюже подпрыгнул сразу на четырёх лапах. Но Кешке было не до игры. Он размышлял, как бы узаконить пребывание щенка в квартире. Кешка решил начать с мамы. Дело нетрудное – взять да спросить. Но это только так кажется. Кешка долго мялся у маминого стула, потом сказал:

– Мама, а что, если бы нам с тобой щенка завести?..

– А ещё что? – не отрывая глаз от машинки, спросила мама.

– Нет, больше ничего... Знаешь, щенка. Он бы нам комнату стерёг.

Мама отложила костюм и посмотрела Кешке в глаза. Сын стоял с независимым и безразличным видом.

– Где щенок? – спросила мама.

– Щенок?.. Какой щенок? – Кешка притворился, что не понимает, а сам опустил глаза и посмотрел к маме под стул. Там сидел щенок и вилял хвостом-баранкой. Щенок, наверно, подумал, что уже всё в порядке, весело тявкнул и потянул маму за юбку. Мама вытащила его за загривок из-под стула, подняла в воздух и, надув губы, сказала, как говорят маленьким детям:

– Вот мы какие...

«Понравился», – догадался Кешка. Но мама опустила щенка на пол и с сожалением покачала головой:

– Нет, Кешка, не проси... В одной комнате собаку держать нельзя.

– А мы в коридоре, – живо предложил Кешка.

Мама опять покачала головой.

– Коридор общий, соседи будут возражать.

Кешке не хотелось сдаваться так сразу. Он пошёл к тётке Люсе, к соседке.

– Тётя Люся, можно мне в коридоре щенка держать?

– Зачем тебе щенок? – Тётя Люся пожала плечами и посмотрела на дядю Борю. Дядя Боря, он был у тёти Люси в гостях, захотел посмотреть щенка.

– Люблю собак... Моя мечта – завести собаку, овчарку или сенбернара.

А Кешка пошёл к другому соседу – молчаливому шофёру пятитонки, Василию Михайловичу.

– Василь Михалыч, – постучал он. – Василь Михалыч, можно мне щенка в коридоре держать?

Василий Михайлович, высокий, до притолоки, открыл дверь, загородив своей широченой фигурой весь проход.

– Стоящий зверь? – спросил он глухим басом.

Кешка задрал голову – иначе на Василия Михайловича смотреть было нельзя.

– Хороший щенок, – кивнул он, – пузатый и хвост колесом.

– Хвост – это не доказательство, – прогудел Василий Михайлович. – Пойдём обозревать...

Кешка побежал впереди, Василий Михайлович бухал тяжёлыми ботинками за ним.

В Кешкиной комнате уже сидели тётя Люся и дядя Боря.

– Собака – моя мечта, – говорил дядя Боря, – особенно сенбернар.

Тётя Люся тискала щенка и приговаривала:

– Куси, Мурзик, куси... Ну-у, куси, – и совала щенку свой палец с красным ногтем.

– Это и не Мурзик вовсе, – обиделся за щенка Кешка. – Это... это Пират.

Василий Михайлович присел на корточки, осмотрел щенка.

– Такого зверя на улицу выбрасывать преступление, – наконец сказал он. – Овчарка чистой породы.

– Овчарка – моя мечта, – снова сказал дядя Боря.

– Пусть остаётся, – согласилась тётя Люся, – если не будет гадить... Смотри у меня!.. – погрозила она щенку. А он вильнул хвостом, – мол, согласен и... пустил лужу.

Мама засмеялась, тётя Люся поморщилась, дядя Боря вдруг начал протирать очки, а Василий Михайлович посмотрел на щенка с ухмылкой и сказал:

– Серьёзный зверь... Живи.

Таким образом, щенок был водворён в квартиру. Кешка весь вечер кормил его, чистил, даже позабыл про свою саблю. Мечтал вырастить из Пирата грозного пограничного пса.

На следующий день Кешка вышел со щенком во двор. Старенькая дворничиха, тётя Настя, подметала большой метлой щепки. Кешка важно водил щенка на верёвочке, поджидал Мишку. Мишка пошёл со своим третьим классом на экскурсию в железнодорожный музей. Кешка ждал терпеливо: пусть Пират воздухом дышит – закаляется. Наконец Мишка появился, ещё издали помахал Кешке портфелем.

– Это твой?..

И полез щекотать щенка за ухом.

– Хороший пёс... Как его зовут?.. Давай из него ищейку воспитаем, а?

– Ладно, – согласился Кешка.

Подоспел и Круглый Толик.

– Надо ему испытание сделать, – сказал он. – Дайте ему что-нибудь понюхать.

Мишка поставил под нос Пирата свою ногу.

– Нюхай, Пират... Ну, нюхай...

Но Пират вцепился Мишке в штанину и начал мотать головой во все стороны и рычать. Мишка кое-как вырвался от него и быстро спрятался за поленницу.

– Ищи, Пират! – скомандовал Кешка. Щенок натянул верёвку и бросился к дровам. Ребята бежали за ним. Пират обогнул поленницу, где спрятался Мишка, и понёсся дальше.

– Не туда! – кричал Кешка.

Вдруг с поленницы прямо на Пирата свалился Горыныч. Кешка выпустил поводок. Потом они с Толиком бросились было спасать щенка, но Горыныч так громко зашипел и так распушил свой хвост, что столкновение с ним грозило кончиться плохо. Пират пустился бежать, но Горыныч одним прыжком настиг его и повалил. Щенок жалобно заскулил, а кот стал над ним, покатав его лапой, словно клубок ниток, и уселся рядом.

– Мишка! – закричал Толик. – Горыныч Пирата заест!

Мишка вынырнул из-за поленницы мгновенно. Он замахнулся на кота портфелем, но тот не подумал бежать, только припал к земле, выпустил когти и забил хвостом. Ребята чуть отступили. А кот присел и нетерпеливо подтолкнул Пирата лапой. Щенок, подвывая от страха, встал и заискивающе вильнул хвостом. Кот довольно заурчал. Щенок заработал хвостом ещё энергичнее, даже тявкнул легонько.

Мальчишки глазам не верили: беспощадный Горыныч и щенок выделяли такое, что ребята покатывались со смеху. Когда щенок особенно расхотелся и позволял себе непочтительно куснуть Горыныча за хвост, тот валил его своей сильной лапой и показывал острые клыки.

Мальчишки подталкивали друг друга локтями, а Мишка то и дело восклицал:

– Чудеса!.. Расскажи – не поверят. – Он повертел головой, высматривая, кого бы пригласить на это удивительное зрелище... Но во дворе была только дворничиха тётя Настя, да ещё шли из магазина к своей парадной Людмила с матерью.

У Людмили любопытства на целый класс. Она подскочила к ребятам, спросила:

– Чего это вы смеётесь? – и вдруг закричала: – Мама, смотри, это кот нашего щенка треплет!

– Как это вашего? – возмутился Кешка.

– А так нашего, – передразнила его Людмила, – из нашей квартиры.

Подросевшая Людмиликина мать поставила сумку на чистую сосновую плаху и возмущённо заговорила, обращаясь к подметавшей двор тёте Насте:

– Как вам понравится?.. Этот щенок сорок рублей стоит, а они его с котом стравили.

Тётя Настя глянула на щенка.

– А-а... ничего с ним не сделается, – и хмуро добавила: – Деньги людям девать некуда.

– Нет, вы рассудите здраво, – не унималась Людмиликина мать. – За щенка большие деньги отдали, а они его этому чудовищу бросили на растерзание... Отберите сейчас же щенка! – топнула она ногой.

Но у ребят не было никакого желания связываться с котом, к тому же Горыныч не сделал щенку ничего плохого.

– Позови Николая Петровича, – приказала Людмиликина мать дочке.

Людмила со всех ног бросилась на лестницу. Ребята стояли и недружелюбно поглядывали ей вслед.

«Отберут теперь щенка», – думал Кешка.

Скоро во дворе появилась Людмила в сопровождении худощавого мужчины в макинтоше. Это был Людмиликин сосед, не то артист, не то инженер, ребята толком не знали.

– Что здесь происходит? – спросил мужчина.

– Ваш щенок, – ответила Людмиликина мать. – Мы вчера обыскались, а он вот, щенок... Его это чудовище грызёт.

– И вовсе не грызёт, – поправил её Мишка. – Это они играют... Пират и Горыныч.

– Нечего сказать, компания, – сердито проворчал мужчина. – Какой он вам Пират?.. – Мужчина шагнул вперёд, и кот не мог с ним спорить. Кот отступил. А Людмиликин сосед подхватил щенка на руки. Он гладил его и приговаривал: – Обидели тебя, Валет... Мы им... – Потом повернулся к ребятам: – Если вы ещё раз коснётесь его, уши оборву!

Хозяин щенка и Людмиликина мать пошли к лестнице. Людмила показала мальчишкам язык.

Друзья сели на сосновую плаху.

Уши у Кешки горели, словно их и в самом деле оттрепала чья-то грубая рука.

Круглый Толик ковырял ногой кору на полене.

– Может, в пиратов сыграем... – предложил он равнодушно. Но играть в пиратов у ребят не было уже никакой охоты.

Напротив, на поленнице, стоял Горыныч. Одичавший бродяга-кот печально смотрел в сторону лестницы, и его отмякшее на минуту сердце, наверное, снова заполнялось злостью.

– А у него раньше другое имя было, – сказал вдруг Мишка, – Барсик... – и уважительно добавил: – Барс...

Чижи

Случилось это так. Вечером прибежал Мишка. Он постучал, потому что побаивался Кешкиной мамы. Значит, Мишка постучал, просунул в дверь голову, обвёл комнату глазами и сказал:

– Кеш... Ты один?

Кешка соскочил с оттоманки: он читал «Р. В. С.»

– Один.

Мишка был уже в комнате.

– Кешка, выручи до завтра!

– А как тебя выручить?

Мишка извлёк из-под пальто картонную коробку с дырками, проткнутыми гвоздём.

– Подержи до утра чижей, а то моя мамаша говорит: «Выгоню вместе с чижами...» Я завтра их в школе выпускать собираюсь, завтра День птиц, понимаешь?..

– Понимаю.

– Я уж у матери просил-просил. – Мишка прижал к груди коробку и заговорил ноющим голосом, каким, по обыкновению выпрашивал что-нибудь у своей матери: – Не может ещё одну ночь потерпеть... – потом добавил с тревогой: – Может, и твоя мать не захочет?

– Её нет дома, – успокоил его Кешка. – Она сегодня в вечернюю смену. – Кешке очень хотелось посмотреть чижей. Он заглядывал в дырочки, но в коробке было темно и тихо. – Мишка, может, они задохнулись?..

– В том-то и дело, – серьёзно подтвердил Мишка. – В коробке им воздуху мало, их надо между рам пустить... А моя мамаша, знаешь?..

– А моя ничего, – заторопился Кешка, – она чижей любит. – Ему очень хотелось, чтобы птицы побыли у него.

Мишка подумал чуточку и пошёл обследовать окно. Расстояние между стёклами было большое, в самый раз.

– Крупа у тебя есть? – спросил он.

Кешка с готовностью полез в буфет.

– Есть, есть... Какую надо?..

– Пшена лучше всего.

Кешка достал железную банку с пшеном, спрыгнул со стула и протянул её Мишке. Мишка заглянул в растворённую дверку буфета.

– А в тех банках что?

– Рисовая, гречневая, манная, перловая...

– Ишь ты, – Мишка покачал головой и улыбнулся. – Давай чижам ассорти дадим.

– Такого нет, – сказал Кешка.

Мишка никогда не смеялся и не сердился, если Кешка чего-нибудь не знал.

– Такого отдельно и не бывает. Ассорти – это когда всех сортов понемногу.

– Понял, – закивал головой Кешка и полез в буфет за остальными банками.

Мишка насыпал между рамами всех круп по горсточке, добавил даже толстой разноцветной фасоли для красоты. Потом плотно закрыл окно, проверил форточки. Всё было как надо. Мишка развязал нитку на коробке, приподнял крышку и засунул туда руку. Кешка, не отрываясь, затаив дыхание следил за ним. Мгновение – и из Мишкиного кулака уже выглядывает удивлённая взъерошенная головка чижа. Первый чиж очутился между рамами. Кешка бросился смотреть его. А Мишка уже доставал другого. Скоро за стёклами сидели все четыре чижа. Серенькие, маленькие, с зеленоватыми грудками. Они порхали вверх, вниз, поднимали

невесть откуда взявшуюся пыль. Скакали по крупяному ассорти, совсем не обращая на него внимания, словно это был не корм, а уличный песок.

– Мишка, почему они не едят?

– Сытые, – ответил Мишка. Они ещё несколько минут постояли у окна, поглядели, как порхают и возятся за окном шустрые чижи. Потом Мишка схватил шапку, заторопился домой. – Арифметику ещё надо доделать, – сказал он на прощание. – Значит, до завтра... Я рано приду, утром...

Когда Мишка ушёл, Кешка поставил к окну стул и смотрел на чижей, пока они не утомились и не уснули, спрятав носы в перья. Птицы ложатся спать гораздо раньше людей... Зато и встают они... Но об этом дальше.

Кешка сквозь дрему видел, как пришла мама с работы, как легла спать. Потом ему стало душно; он проснулся, встал с постели, хотел открыть форточку и вспомнил про чижей. Мама спала чуть приоткрыв рот; щёки её разругались, – наверно, и ей было душно. Но ведь форточку открывать нельзя – чижи улетят. Кешка подумал-подумал, что ему делать, и уселся у окна, решил сторожить форточку до утра. Кто знает, усни он, мама встанет и откроет. Что тогда Мишка скажет? Кешка долго смотрел на спящих птиц, на серое небо, на яркую зеленоватую звезду Вега. Потом всё это закружилось и куда-то пропало, словно на окно накинули плотную штору. А под утро Кешка увидел сон. Будто идёт он с Мишкой в школу выпускать чижей. Чижи поют песни, Мишка поёт, и он, Кешка, подпевает. Такое веселье вокруг, и вдруг мамин голос: «Безобразие!»

Кешка открыл глаза. В комнате светло и стоит такой гвалт, хоть уши затыкай. Чижи горланили в четыре глотки, и даже удивительно: маленькие птахи, а шумят, будто целый птичий базар.

Они били крыльями, лушили крупу и долбили носами в стёкла.

Над домами плыли розовые облака; солнце, должно быть, ещё едва поднялось над землёй.

Мама закрыла уши подушкой и просила, не размыкая глаз:

– Кешка, прогони птиц с окна... Чего это они у нашего окна раскричались?..

Кешка растерялся.

– Ма, их нельзя прогнать, – наконец пробормотал он, – сегодня День птиц.

Мама села на кровати и увидела, что Кешкина постель пуста.

– Опять твои фокусы?.. Должна я отдохнуть или нет?..

– Должна, – согласился Кешка.

– Тогда прогони птиц... сейчас же!

– Нельзя ведь, – упавшим голосом запротестовал Кешка.

– Тогда я сама прогоню!

– Мама, – закричал Кешка, – чужие чижи!.. – Но мама потянула на себя первую раму и тут же отскочила от окна. Чижи, как ошалелые, ринулись в комнату. Они садились на абжур, на картины, скакали по столу, пищали и пели.

– Гони их! – кричала мама.

– Лови! – кричал Кешка.

Мама гоняла чижей полотенцем, как мух... Вдруг в прихожей тихонько звякнул звонок. Мама вопросительно посмотрела на Кешку и пошла открывать.

– Кого ещё в такую рань несёт? – ворчала она.

За дверью стоял Мишка.

– Здравсте, тётя Лиза. Я за чижами. – Мишка устался в пол и добавил едва слышным шёпотом: – Проспал я маленько.

Мама молча отступила, пропустила Мишку в комнату.

Чижи немного утомились; они скакали по шкафу, по карнизу. А один раскачивался на занавеске и тревожно чирикал.

- Проспал маленько, – ещё раз пробормотал Мишка. – Их надо было сонными хватать.
- Ну, ну, хватай, – сказала мама.

Ловля чижей возобновилась. Только теперь мама сидела на кровати и устало смотрела, как Мишка и Кешка, крадучись, подбираются к чижам. Те подпускают их совсем близко и вдруг – порх!..

– Чижи, чижи... чиженьки, – шептал Мишка, хищно глядя на птах. – Куда же вы улетаєте?.. – Он бросался на какого-нибудь чижа, опрокидывая при этом стулья. Ушибал себе колени или локти и грозил неразумным птицам: – Дураки безмозглые!.. Я ж вас зачем ловлю? Чтобы выпускать. Чижа, чижа... Чиженька...

У Кешки была другая тактика. Он стоял на валике оттоманки, кричал, размахивал руками, а когда перепуганная птица пролетала мимо, бросался на неё, как вратарь. Чижи носились по комнате как сумасшедшие, с размаху бились о стёкла, падали, взлетали снова и опять ударялись о невидимую преграду... В воздухе кружились лёгкие перья и пыль.

В дверях стояли заспанные тётя Люся и шофёр Василий Михайлович.

- Что происходит? – испуганно спросила соседка.
- Птицы, – понимающе сказал сосед. – Летают... Ты, Кешка, их простынёй лови.

Наконец мама не выдержала. Встала, открыла вторую раму. В комнату сразу ворвалась струя свежего весеннего воздуха. Чиж, который был поближе к окну, прыгнул на подоконник и выпорхнул на улицу.

- Держи! – завопил Мишка.
- Хватит птиц мучить, – сказала мама. – Пусть и остальные летят.

Мишка опустил на стул совсем расстроенный.

– Тётя Лиза, что вы наделали!.. Мне же их сегодня выпускать надо в школе... Ведь День птиц.

- Вот и пусть летят.
- Да они сами улетають, а надо организованно...

Чижи, почувствовав свежий уличный воздух, ринулись к окну. Два вылетели сразу, а один ударился о занавеску и запутался в ней. Тут Мишка его и схватил.

- Не расстраивайся, – успокаивал друга Кешка. – Одного выпустишь организованно.
- Да я их специально ловил... – бубнил Мишка.

А мама подошла к окну и откинула занавеску.

– Вон твои чижи на дереве сидят... Радуются... Приятеля поджидают... Каково ему?..

Мишка посмотрел на Кешку, ища у него поддержки. Но Кешка опустил глаза.

– Мишка, давай и этого... А, Мишка?..

Мишка шумно засопел, потом подошёл к Кешкиной маме и сунул ей в руки чижа.

– Натё... Выпускайте... Всё равно это не по правилам.

Мама посмотрела на маленькую серую птичку в своей руке, подула ей на взъерошенное темя и раскрыла ладонь.

Просто история

Неподалёку от Кешкиного дома протекала речка. Пахло от неё пенькой, водорослями, смолой, рыбой. И это был удивительный запах – лучше, чем аромат конфет и пирожных, – речка дышала морем.

Неуклюжие баржи навозили сюда целые горы морского песка и жёлтых камней. А в начале лета крикливые буксиры забили всю речку лесом. Намокшие за долгое путешествие брёвна жались к берегу, как стадо усталых молчаливых тюленей. Ребята постарше придумали игру, даже не игру, а просто так – занятие. Они перескакивали по брёвнам с одного на другое. Брёвна под ногами тонули, но в этом и был весь интерес. Сколько великолепного, сосущего под ложечкой страха, сколько хвастливой гордости доставляла прыгунам эта затея! Всякий раз она кончалась благополучно, если, конечно, не считать мокрых штанов и ботинок. Чемпионом на брёвнах считался Мишка. В этой истории на его долю выпала немаловажная роль, но всему своё время.

Однажды на берегу играли Кешка, Круглый Толик и Людмила. Мальчишки ходили по брёвнам у самого берега. Людмила сидела на песке и поддразнивала:

– Слабо дальше!.. Слабо дальше!..

Мальчишки не очень-то слушали, что она там кричит, и скоро ей надоело их дразнить. Она стала переплетать свои маленькие, с мизинец, косы.

Налетел ветер, вырвал у неё из рук белую шёлковую ленточку и отнёс на самые дальние брёвна.

Людмила заревела:

– Моя ленточка!.. Теперь мне от мамы попадётся!.. И всё из-за вас!.. Зачем меня на речку позвали?..

Никто Людмилку не звал. Она сама пришла. Кешка видел, что ветер вот-вот сбросит ленточку в воду. Крику будет на весь двор!.. Не раздумывая, он прыгнул на бревно подальше, потом на следующее. Добрался до ленточки; только наклонился, чтобы её поднять, как брёвна расступились, и он провалился в воду. Не успей Кешка вовремя расставить руки, случилась бы непоправимая беда.

– Кешка утонул! – вскрикнула Людмила.

Толик, чувствовавший себя на брёвнах очень неустойчиво, прыгнул на берег и что есть мочи припустил к дому. Людмила, воя от страха, неслась следом.

– Мама!.. Никому не скажешь? – выпалила она, врываясь в квартиру. – Кешка утону-у-ул!..

– Да что ты! – всплеснула руками Людмикина мать, заперла дочку на ключ, быстро выскочила на лестницу и застучала по ступенькам тонкими каблуками.

Кешка тем временем держался за бревно, болтал ногами в воде, стараясь закинуть хоть одну наверх. Но либо ботинки стали тяжёлыми, либо сил у Кешки осталось совсем мало – выкарабкаться ему не удавалось. Волнами поддавало соседние брёвна. Они били Кешку по рукам. Пальцы немели. Плечи опускались всё ниже. Вода уже щекотала подбородок. А над речкой спокойно кружились чайки.

– Держись, Кешка!

От забора, перескакивая через камни, размахивая руками для равновесия, мчался Мишка. За ним, пытаясь, катился Круглый Толик.

Мишка кричал:

– Держись!

Кешка крепче вцепился в скользкую кору, а Мишка вскочил на бревно, прыгнул раз, другой... лёг на живот и схватил Кешку за ворот.

На берегу Кешку подхватил Толик. Ребята вели его медленно, осторожно.

Мишка рассказывал:

– Прибегает Толик, кричит: «Кешка тонет!..» Я ходу!..

Круглый Толик застенчиво отворачивался – всё-таки не он спас Кешку.

Кешка едва переставлял ноги и скоро без сил повалился в тёплый песок. Ему казалось, что песок колыхнется под ним, расползается. Кешка запустил в него пальцы и закрыл глаза. Ребята стащили с Кешки ботинки, брюки, рубашку, разложили на камнях сушить.

– Теперь искусственное дыхание на- до, – заявил Мишка.

– Он ведь и так дышит. – Толик неловко погладил Кешкино плечо. – Кешка, ты дышишь?

– Дышу...

– Мало ли что... «Дышу»... А может, у тебя полная внутренность воды. По правилам обязательно искусственное дыхание полагается. – Мишка схватил Кешку за руку, Толик взял за другую.

– Довольно! – кричал Кешка.

Мишка ворчал строго:

– Терпи, я сам знаю, когда довольно.

Кешка терпел, а его друзья старательно пытели, нажимая ему на живот, на грудь. Остановились они внезапно. Толик даже приподнялся, собираясь задать стрекача. От забора к речке бежали Кешкина мама, Кешкин сосед – шофёр Василий Михайлович, соседка тётя Люся. Позади всех, осторожно пробираясь между камнями и досками, поспешала мать Людмилки.

Сразу стало шумно. Тётя Люся принялась тормошить Кешку, будто сомневаясь, он ли это. Василий Михайлович стоял, сурово сдвинув брови. А Кешкина мама опустилась на жёлтые камни и заплакала. Ребята прижались друг к другу; они почти оглохли от шума, оторопели от такого яростного внимания... А Кешка посмотрел на маму и сказал:

– Ну чего ты, ма?.. Ну чего?.. Я ведь не утонул, а ты плачешь!..

Взрыв

Напротив дома, в котором жил Кешка, стоял высокий забор. За ним лязгали машины, шипела электросварка. А вечерами прожекторы, укрепленные на столбах, вонзались лучами в землю, будто плавили её. За забором была глубокая яма – котлован. До дна ямы не доставали даже экскаваторы; рабочие поднимали землю лебёдками. Вот туда, на самое дно котлована, и светили прожекторы. Ребята привыкли к яме за забором и перестали заглядывать в щели.

Однажды ребята увидели, что над забором возвышается бетонная башня. Не очень высокая, правда. Через несколько дней над башней выросла пара долговязых подъёмных кранов. Рабочие день и ночь плели по стенам башни редкую сетку из толстых железных прутьев, обивали стены досками. А краны выливали большие бочки жидкого бетона на железную сетку между досками. Бетон затвердевал. Башня лезла вверх. Она поднималась, громадная, серая, без окон, без дверей.

– Что же это будет? – гадали ребята. Гадать было трудно: никто из ребят за всю свою жизнь не видел ещё такой башни. Наконец все сошлись на том, что за забором строят атомную электростанцию. Это было очень любопытно.

Как-то вечером в Кешкину квартиру позвонила дворничиха тётя Настя.

– Не закрывайте на ночь окон, – предупредила она. – Взрыв будет.

– Что, война? – высунулся из-за мамы Кешка.

Но мама сердито топнула ногой, а тётя Настя замахала руками.

– Что ты, господь с тобой!.. Такие слова говоришь. Даже подумать страшно. Взрыв на строительстве будет. Вон за забором.

Тётя Настя ушла, ворчливо напомнив ещё раз о том, чтобы не закрывали плотно окон, не то стёкла вылетят. А мама привела Кешку в комнату и велела ему сесть на стул.

– Кешка, дай честное слово, что не будешь торчать у окна.

Кешка не любил разбрасываться честным словом. Честное слово – как клятва. А разве легко человеку спать, если за окном произойдёт самый настоящий взрыв?

Кешка сопел, глядел на маму умоляющими глазами. Мама была непреклонна.

– Кешка, дай честное слово.

Кешка посмотрел на маму самым жалостным взглядом. Не помогло. Наконец он со вздохом прошептал:

– Ладно... Честное обыкновенное.

Не мог же он дать честное-пречестное или честное ленинское. Взрыв как-никак.

Мама дежурила на заводе в ночную смену. Пока она собиралась, Кешка ровно и глубоко дышал, притворялся спящим. Но только она закрыла за собой дверь, Кешка сел на оттоманке.

За окном тревожно дребезжали трамваи. Голубой свет метался по комнате. Люди за забором готовили взрыв.

Неожиданно в передней раздался звонок. Кешка соскочил с оттоманки, сунул ноги в мамины шлёпанцы, побежал открывать. Наверно, мама чего-нибудь забыла.

– Это ты, мам?..

– Открывай, чего там! – раздался на площадке Мишкин голос. – Давай быстрее!

Кешка живо распахнул дверь, и в переднюю ввалился Мишка, в одних трусах, в ботинках на босу ногу. С Мишкиных плеч свисало серое байковое одеяло. К голому животу он прижимал подушку.

– Ночевать к тебе. Сейчас твоя мать заходила... Говорит, нам вдвоём не так страшно будет.

Кешка покраснел, пробормотал:

– А мне и не страшно вовсе. Заходи, будем вместе на оттоманке спать.

– Ты ложись, а мне нельзя, – заявил Мишка. – Мне надо у окна сидеть: мало ли что случиться может.

Кешке тоже необходимо было сидеть у окна, но он дал честное слово не слезать с постели. Мишка, закутавшись в одеяло, сел к окну.

– Вокруг башни темно, – сообщил он. – Людей не видно.

Кешка подпрыгивал на оттоманке, старался хоть так рассмотреть, что делается около башни. Наконец он догадался, сложил все три подушки одна на другую, по бокам подставил валики и взобрался на это неустойчивое сооружение.

Башня возвышалась угрюмой громадой. Отвернув от неё узкие стрелы, насторожённо замерли краны. Прожекторы не светили, лишь красноватая, со слабым накалом, лампочка покачивалась на ветру.

Прошло много времени, томительного и напряжённого. Чтобы не уснуть, ребята обменивались короткими репликами.

– Мишка, спишь?

– Нет. Сейчас, уже скоро...

– Мишка, а всё-таки зачем взрыв будет?

– Я думаю, испытывают. Чтобы потом, когда атом пустят туда, никаких трещин не было.

Кешка пытался представить себе таинственное нутро башни и сложные машины, которые приведёт в движение легендарное чудовище – атом.

Ребята надолго замолчали, свирепо боролись с дремой, заволакивающей глаза. И вдруг над башней возник трепещущий фиолетовый свет. Ударило по ушам гулким крутым рёвом. Грохнуло, раскатилось по улицам эхо. Зазвенели на тротуарах лопнувшие стёкла.

Кешка упал на пол со своего наблюдательного поста. Барахтался, выбирался из-под подушек.

Мишка закричал:

– Зажигай свет!

Когда в комнате вспыхнула лампочка, Мишка подскочил к зеркалу, принялся рассматривать лоб.

– Кешка, чего это у меня на виске?

Кешка подошёл поближе. Вдоль виска у Мишки тянулась неглубокая розовая царапина.

– По-моему, рана...

Мишкины губы расплылись в блаженной улыбке. Он даже глаза закрыл.

– Раненый... Кешка, я раненый!..

– Ну да, – подтвердил Кешка с завистью. – Это из форточки стекло вылетело и кусочком тебя поцарапало.

Но Мишка не слушал; он приплясывал около зеркала и самозабвенно повторял:

– Раненый, раненый!.. – Потом он спохватился, спросил: – Кешка, у тебя бинты есть?

– Ну, есть.

– Давай перевязывай.

Кешка засмеялся:

– Чего там перевязывать! Йодом смазать – и всё.

– Если хочешь знать, – круто повернулся Мишка, – по правилам медицины тут операцию делать надо. Это тебе не рогаткой и не деревянной саблей, а настоящим взрывом. – Мишка расслабленно повалился на стул и запрокинул голову.

Кешка бросился к маминому туалету, достал из тумбочки бинт и вату. Смазал Мишкину рану йодом – Мишка даже не поморщился – и стал делать перевязку. Мишка то и дело поворачивался к зеркалу, придирчиво осматривал голову и говорил:

– Мотай больше... Ваты не жалея...

Когда голова стала похожа на большой снежный ком, он удовлетворённо кивнул:

– Вот теперь в самый раз. Довольно. – Вдруг Мишка ударил себя по забинтованной голове. – Эхма!.. Может, на улице ещё раненые, может, кому помощь нужна?..

Мальчишки бросились к окну.

Уже начался рассвет, голубовато-серый, прозрачный и гулкий. Дворники сметали с тротуаров стёкла в большие железные совки. А башня, мрачная бетонная башня, исчезла.

Ребята стояли, раскрыв рты от изумления.

– Начисто, – выдохнул Мишка. – Даже кусков не осталось.

На следующий день ребята во дворе были потрясены. Атомная станция рассыпалась почти что у них на глазах от самого обыкновенного взрыва. Тут было над чем подумать. Забинтованный Мишка мрачно вещал:

– Как грохнет!.. Осколок как зажужжит!.. И рраз – прямо мне в висок... Кешка, скажи...

Кешка всё время пытался сказать, что никакого осколка не жужжало, что Мишку, по его, Кешкиному, мнению, поцарапало кусочком стекла из форточки. Но Мишка говорил так убедительно и при этом смотрел на всех с такой простодушной радостью и превосходством, что Кешка поверил. Может, и был осколок. Он ведь под подушками барахтался, мог не заметить. И Кешка согласно кивал головой:

– Ага, прямо в висок.

Ребята с завистью смотрели на забинтованную Мишкину голову, легонько дотрагивались до повязки и сочувственно спрашивали:

– Больно?.. Очень?..

Потом толпой двинулись к серому забору и прильнули к широким щелям в дощатых воротах.

На строительной площадке было пустынно. Словно привстав на цыпочки, тянулись к небесам башенные краны. Они будто не успели ещё опомниться, прийти в себя. Деревянные подмости, окружавшие башню, были разобраны и лежали теперь штабелями на земле. И никаких следов разрушения. Только от самой башни остался торчать ровный круг метра в полтора высотой, как будто аккуратно спилили у самого основания. И было чисто. Вероятно, взрыв унёс все обломки куда-то далеко за город.

Нет, взрыв не был обыкновенным.

– Что вы, огонь до неба!.. – захлёбывался Мишка. – Я сам видел, башня подлетела – и в пыль!..

– Да ну?! – раздался вдруг за спинами ребят густой бас.

Ребята отхлынули от забора. Но страшного ничего не оказалось. У ворот стояла зелёная пятитонка, гружённая большими бумажными мешками с цементом. Из кабины выглядывал шофёр с широким смуглым лицом.

– Василь Михалыч! – закричал Кешка. – Здравствуйте, Василь Михалыч!.. Ребята, не бойтесь – это Василий Михайлович, наш сосед.

– А это кто? – показал шофёр на Мишку. – Что это за чучело?

– Да это Мишка же... Вы его видели. Он ещё ко мне ходит.

Василий Михайлович подозрительно оглядел забинтованную Мишкину голову.

– Ну ты, приятель, врать...

Мишка набычился.

– А я врал, да?.. Взорвали башню, каждый знает. Мы с Кешкой лично видели. – Мишка кивнул на закрытые ворота и упрямо повторил: – Даже кусков не осталось, всё разнесло.

Василий Михайлович усмехнулся и покачал головой.

– А зачем, по-вашему, её взрывать?.. Незачем её взрывать, она громадных денег стоит.

– А куда же она делась тогда? – с подковыркой справился Мишка. – Может, в землю ушла?

Василий Михайлович положил на баранку тяжёлые, перепачканные маслом руки и засмеялся:

– В землю... А ну, Кешка, поехали со мной, сам увидишь.

Кешку упрашивать не понадобилось. Он живо забрался в кабину. Василий Михайлович поманил пальцем Мишку.

– И ты, герой, голова с дырой, садись. – Он подождал, пока ребята устроятся на чёрном промятом сиденье, и нажал сигнал.

Ворота открыл вахтёр в брезентовой куртке. Поздоровался.

– Привет, Михалыч, цемент привёз?.. А это что у тебя за пассажиры?

– Мои, – односложно ответил шофёр и медленно въехал в ворота.

Рабочие быстро разгрузили бумажные мешки с цементом под деревянный навес. Василий Михайлович подогнал пустую машину к самой башне, но, кроме глухой шероховатой стены, с земли ничего не было видно.

– Придётся лезть в кузов, – сказал Василий Михайлович. Он помог ребятам и сам ловко перемахнул через борт.

Серые стены башни уходили глубоко вниз, образовав громадный бетонный колодец.

Мишка потёр под носом.

– Чего она?

– Осела, – подсказал Василий Михайлович. – Это ведь не башня.

– Мы знаем... Атомная станция, – вмешался Кешка.

Василий Михайлович расхохотался.

– Вот чудачки!.. Это бассейн. Водоочистная станция, никакая не атомная. Видели глубокую яму – котлован?.. Эту башню-бассейн нужно было строить глубоко в котловане. А работать там неудобно, тесно... Вот инженеры и придумали. Соорудили на дне котлована сваи и бассейн стали строить на сваях, а когда довели его до нужных размеров, сваи подорвали... Он в яму и опустился, бассейн-то, стал на своё место. Скоро сюда по специальному тоннелю грязная вода побежит со всего города. Здесь её очищать будут. Реки в городе прозрачные станут, как в лесу на природе. Вот, например, в моей деревне, где я, значит, родился. Там в реке все камушки на дне видать... И раки, и плотица...

– А осколки от взрыва были? – с надеждой спросил Мишка.

– Никаких осколков.

Мишка потрогал свою забинтованную голову и, сопя, полез обратно в кабину.

– Ты куда? – схватил его за руку Василий Михайлович. – Ты, это... того. Ты, это, не огорчайся... Я ведь не досконально знаю. Может, и был какой осколок... Может ведь... Да вон у главного инженера спросим. – Шофёр замахал рукой высокому человеку в аккуратной брезентовой куртке.

– Ты что, Михайлович, сынов на экскурсию привёз? – спросил инженер, подойдя к машине.

– Я бездетный. Это сосед мой с дружкой, – прогудел шофёр. – Дружка-то, видишь, осколком поранило. А уж какие тут осколки...

Кешка умоляюще посмотрел на инженера. Тот усмехнулся, потом деловито нахмурил лоб и вытащил из кармана блокнот.

– В каком доме живёте?

– Вон, наискосок.

Инженер принялся что-то писать в блокноте. Он бормотал слова, похожие на заклинания: логарифмы, синусы, котангенс, траектория, теория вероятности... Наконец он закрыл блокнот и потрепал Мишку по плечу.

– Был осколок. Вон туда полетел. – Его рука приподнялась и показала на Кешкин дом.

Мишкино лицо просветлело на миг. Но, когда они сели в кабину, Мишка забился в самый угол и отвернулся.

– Чего ты? – утешал его Кешка. – Раз главный инженер сказал, значит, всё... По котангенсу и по траектории...

Мишка только плотнее сжимал губы.

Шофёр Василий Михайлович молчал. А когда они выехали за ворота, он высунулся из окна и сказал окружившим машину ребятам:

– Был осколок-то... Вот ведь дело какое.

Приятеля вылезли из машины.

– Ну что?.. Куда башня делась? – допытывались ребята, преданно заглядывая Мишке в глаза.

– Никуда она не делась. На месте ваша башня, – отмахнулся Мишка. Он опустил голову и угрюмо зашагал к дому.

Кешка потоптался около ворот, начал было рассказывать ребятам про удивительную башню, но не выдержал и бросился догонять Мишку.

Дома Мишка размотал бинты, снял вату и швырнул всё это в помойное ведро.

Кешка попытался успокоить его:

– Чего ты, Мишка?.. С ума сошёл?.. Ведь по этой, как её?.. По теории, ты осколком раненный.

– По этой самой теории он меня за дурака считает, да?.. – огрызнулся Мишка. – Он густо замазал царапину на виске чернилами и подошёл к окну. – А ещё синус... главный инженер!..

День рождения

Есть у каждого человека один замечательный день – день рождения. И подарки тебе, и сласти. Даже шалости в этот день прощаются.

У Кешки день рождения в конце лета. Мама всегда покупает астры, столько штук, сколько лет Кешке исполнилось. Ставит их в вазочку и говорит: «Вот, Иннокентий, стал ты теперь на целый год старше. Пора тебе начать новую жизнь, серьёзную». И Кешка всегда эту новую жизнь начинал. По крайней мере, он каждый раз говорил: «Ну вот сегодня я уж обязательно начну...»

Он проснулся, когда мама уже ушла на работу. В комнате красиво убрано. На столе в вазочке девять белых пушистых цветков, завтрак и записка: «Дорогой мой, поздравляю тебя с днём рождения. Мама».

Кешка быстро убрал постель, умылся, позавтракал, подмёл пол и помчался во двор.

Во дворе солнце. Под водосточными трубами из щелей в асфальте торчит сухая пыльная трава. Листья на старых корявых липах жёсткие и шершавые – скоро начнут желтеть.

Мишка с Круглым Толиком сидят возле выросших за лето поленниц, похваляются, кто лучше провёл лето.

– А у меня сегодня день рождения, – объявил им Кешка. – Приходите вечером в гости!

Мишка схватил Кешку за уши, стал тянуть, приговаривая:

– Расти большой, расти большой...

Толик тоже немного потянул. Потом оба сказали: «Придём».

Мама отпросилась с работы пораньше, с обеда. Ей нужно было испечь пирог, приготовить для гостей всякие вкусные вещи.

Кешка помогал ей изо всех сил: расставлял тарелки, резал сыр, колбасу, рыбу, раскладывал ножи и вилки. Он всё время прислушивался, когда же зазвонит звонок и пойдут гости.

Первыми пришли Мишка с Толиком. Они были какие-то очень чистенькие и неловкие. По очереди пожали Кешке руку, сказали: «С днём тебя рождения» – и подарили Кешке большую коробку, завернутую в бумагу.

– Пользуйся.

Потом пришли тётя Люся с дядей Борей. Они подарили Кешке портфель с блестящим замком. Потом пришла мамина сослуживица. Потом мужчина – сослуживец... И пошли один за другим мамины знакомые. Все улыбались, давали Кешке подарки, говорили: «Расти большой, слушайся маму».

– Не люблю я эту канитель, – ворчал Мишка.

– Нас за общий стол посадят или куда-нибудь? – справлялся Толик и шептал: – Чего-то есть охота...

Посадили их за общий стол, даже дали по рюмке и налили в рюмки лимонад.

Гости заулыбались: «Расти большой!.. Умный!.. Слушайся маму!..» Потом они стали маму поздравлять, потом друг друга, потом каких-то своих общих знакомых. Белые астры, стоявшие посреди стола, перекочевали на подоконник.

Толик, Кешка и Мишка пили лимонад, накладывали себе всякой еды, а когда наелись, полезли к столу с подарками. Кешке и Толику очень хотелось посмотреть, что принесли, но Мишка презрительно махнул рукой.

– Ничего там толкового нет. Дребедень – шоколадки какие-нибудь. Толька, доставай нашу игру. Сразимся.

Толик (он проковыривал во всех пакетах дырочки) бросил своё занятие и из груды подарков извлёк коробку, которую они с Мишкой принесли.

– Игра «Кто быстрее». Для смекалки, – пояснил Мишка.

В коробке лежала расчерченная на линии и кружочки картонка. Каждому игроку полагалось по три деревянные фишки. Нужно было кидать пластмассовый кубик, смотреть, сколько выпадет очков и на столько кружков передвигать свою фишку. Ещё нужно было убегать от идущего сзади, чтобы не сбил. Если собьют, начинай сначала.

Ребята двигали фишки, смеялись и поддразнивали друг друга. Первым шёл Кешка. Мишка всё время слетал и начинал снова. Мишка не злился, говорил, будто Кешке везёт потому, что у него день рождения. В другой день он обязательно бы его обставил.

– Смотрите!.. Это же «Рич-Рач»! – изумлённо воскликнул дядя Боря, вылезший из-за стола. – Великолепная игра. Я ею в детстве увлекался. Елизавета Петровна, Люся, идите сюда! – Мама и тётя Люся подошли к ребятам. За ними потянулись и остальные.

– «Рич-Рач»!.. Это же подлинный «Рич-Рач»! – восторгался дядя Боря. – Ребята, у вас три фишки лишние. Можно мне?

– Пожалуйста, – великодушно разрешил Мишка и зашептал: – Ну что, видели, какая игра!.. Это не шоколадки разные, не всякие там тренди-бренди.

А дядя Боря уже кидал косточку и шагал фишкой по полю.

Толик тоже хотел ходить, была его очередь, но это сделала за него тётя Люся. Кешкину очередь отобрала мама. Ребят оттеснили, и Мишка, оставшись один, тоже вскоре выбрался из окружения.

– Тоже мне взрослые!.. В детскую игру занялись, – ворчал он.

– Мы не им подарили, – тосковал Толик, – Кешке подарили.

– Здесь не только вперёд сбивать можно, – высоким голосом объяснял дядя Боря. – Здесь ещё и лягаться можно, если кто сзади окажется вплотную... Вот смотрите, Елизавета Петровна, я вас сейчас лягну.

Кешка насупился. Толик протолкался к игре, посмотрел исподлобья на дядю Борю и угрюмо произнёс:

– Вы, пожалуйста, свою тётю Люсю лягайте, а Кешкину маму не смейте. И вообще мы не вам игру подарили. Кешке подарили...

Толик сгрёб картонное поле с фишками и стал, пятясь, протискиваться к ребятам. Но тётя Люся схватила его за руку.

– Что тебе, жалко, что ли?..

– Ишь, какой шустрый! – кисло улыбнулась мамина сослуживица.

Кто-то захохотал. Дядя Боря начал краснеть и протирать очки. Мама растерялась от неожиданности.

– Толик, как тебе не стыдно?..

Через минуту ребята уже сидели в коридоре на старом тётином Люсином сундуке. Из комнаты доносился смех. Дядя Боря объяснял ещё какие-то новые правила игры в «Рич-Рач».

– «Рич-Рач» какой-то придумал, – ворчал Мишка. – Сам он Рич-Рач.

– Жалко, – бормотал Толик, – рано выгнали... Торт бы хоть попробовать... А то всё сами съедят.

Кешке было стыдно перед ребятами. «Вот пригласил друзей на свой собственный день рождения...» Он вздыхал, думал, чем бы занять своих гостей, наконец предложил:

– Пойдёмте в кухню, там у нас лампочка шипит.

Лампочка на самом деле шипела. Вернее, она тихонько звенела, потрескивала и ещё как будто произносила всё время букву «С». Так: «С-с-с-с!..»

– Ни у кого такой лампочки нет, – похвастал Кешка. – Мишка, скажи, почему она такая?

Мишка задрал голову, начал кружиться под лампочкой. Он глубокомысленно хмыкал, шурился, чесал нос. Потом заявил:

– Наверно, в неё воздух проходит. Дырка, наверно, есть.

– Лампочка с дыркой не загорится, – возразил Толик. – Из неё электричество выскакивать будет.

Мишка хотел что-то растолковать Толику, но в эту минуту в кухню вошла мама.

Лицо у неё было уже не сердитое. Она обхватила ребят руками.

– Ладно, будет дуться. Идите в комнату. Никто бы вашу игру не съел... Идите, я вас тортом накормлю.

– Не пойдём мы в комнату. Нам здесь веселее, – сказал Кешка.

Мама погрузилась, улыбнулась растерянно.

– Ладно, тогда я вам сюда торта принесу.

Она принесла им три больших куса с кремовыми загогулинами, бутылку лимонада и конфет.

Ребята уселись к тётинуму Люсиному столу. Они ели торт и конфеты.

Потом в кухню выбежала тётя Люся.

– Ну, как вы тут?.. Торт едите?.. Хотите, селёдки принесу? После сладкого селёдка очень хорошо. Хотите? – И, не дожидаясь ответа, убежала.

Селёдка после торта и конфет оказалась действительно очень вкусной. Ребята ели селёдку и слушали, как шипит лампочка.

– Я догадался, почему шипит, – вскочил вдруг Мишка. – Контакт слабый... У нас однажды такое было. Отец сразу починил.

– А ты можешь? – спросил Кешка.

– Пустяки, делать нечего... Давайте табуретки и ножик.

Мишка подставил под лампочку табурет, взгромоздил на него другой и с помощью товарищей взобрался наверх. Схватился за лампочку, отдернул руку.

– Фу-у... Горячая...

Кешка подал ему тряпку.

Мишка обмотал тряпкой лампочку, повернул – и в кухне стало темно. Лишь на потолке жёлтым облачком покачивался отсвет уличного фонаря. Мишка засунул лампочку в карман вместе с тряпкой.

– Теперь нож давайте!..

Кешка приподнялся на цыпочки, вложил в Мишкину ладонь широкий кухонный ножик.

– Сейчас... Сейчас... – бормотал Мишка. – Контакт отогнём – и всё. Без звука работать будет. Как надо... – Мишка сунул ножик в патрон. Посыпались голубые искры. Раздался сухой треск. Мишка вскрикнул, выронил нож, пригнулся – и потерявшие равновесие табуретки загремели на пол. Всё это случилось в одну секунду.

Мишка лежал у стола, за которым они только что ели торт и селёдку. Он удивлённо кряхтел, растирал ушибленные бока, тряс рукой.

А в коридоре уже раздавались голоса:

– Что случилось?! Почему свет погас?! Замыкание, наверно... Всегда, как только люди соберутся, как только за стол...

В кухню вбежали дядя Боря и мама. Дядя Боря чиркнул спичку.

– Конечно, замыкание!.. Видите, они что-то с патроном сотворили.

Ребята поднимали Мишку. Он шёпотом оправдывался:

– Эх, забыл выключатель повернуть!..

В кухне уже горела свеча.

– Что вы наделали? – допытывалась мама. – Где лампочка?..

– Вот она... – Мишка вытащил из кармана тряпку. На пол посыпался звонкий стеклянный дождь.

– Осторожнее! – бросилась к нему мама. – Неужели вы спокойно сидеть не можете?..

– Мы её починяли, – бормотал Кешка. – Чего она шипит? – А про себя Кешка думал: «Ну вот, всегда, как только новую жизнь начнёшь, всё не так получается...»

Мамин сослуживец и ещё один знакомый полезли ввинчивать пробки. А тётя Люся стояла посреди кухни и возмущённо отчитывала Кешку:

– Что это у тебя за мода, не понимаю... Людей пригласили на день рождения, а ты свет портишь.

– Ну, ничего страшного не произошло, – убеждала её мамина сослуживица. – Они ведь дети ещё.

Кешкина мама стояла у плиты, смотрела на притихших ребят.

Мишка и Толик подталкивали Кешку в бока: извинись – и дело с концом.

Но мама не стала ругать Кешку. Она даже потрепала его по голове. Она, наверно, простила ему: ведь у Кешки был день рождения, а в этот день наказывать ребят не принято.

Копилка

Круглый Толик был невысок и, мягко выражаясь, полноват. Стриженная под машинку голова очень напоминала волейбольный мяч, к которому прилепили вздёрнутый любопытный нос, приладили шустрые глаза и два чутко оттопыренных уха. Ребята любили его за доброту, за незлобивый, покладистый характер.

Родители Круглого Толика были геологи. Ещё прошлой осенью они уехали в Казахстан, в пустыню – искать олово. Толик просил: «Возьмите меня...» Но родители отвечали, что не могут этого сделать: живут в очень трудных условиях. И вот этим летом, когда почти всё население двора разъехалось по дачам и пионерским лагерям, родители всё-таки забрали его к себе в пустыню, и правильно сделали, потому что с Толиком приключилась беда.

Беда стала подкрадываться с того самого дня, когда в доме появилась тётя Рая. Тётя Рая – старшая сестра Толикова отца; ведь, как ни говори, оставлять мальчишку одного – рискованное дело.

Родители уехали. Тётя Рая сразу же навела в доме свои порядки. Она постелила всюду вышитые салфеточки, расставила на книжных полках фарфоровые безделушки, которых навезла с собой великое множество. На письменный стол, где Толик готовил уроки, тётка водрузила большущую толстобокую собаку с прорезью на спине.

– Зачем мне такое чучело? – отпихнул собаку Толик.

Тётя Рая возмутилась.

– Как тебе не стыдно?.. Я украсила комнаты художественными изделиями, а ты недоволен. На что была похожа квартира?.. Сарай! Никакого уюта!..

– Я не про уют говорю... Я про собаку, про вот эту, – Толик ткнул пером в блестящий собачий бок.

– Что ты делаешь? – Тётя побледнела... – Это английский фаянс!.. – Она беззвучно пошевелила губами, потом показала на прорезь острым, как карандаш, пальцем.

– Вот сюда ты можешь класть свои деньги... А если ты будешь хорошо учиться и слушать меня, я тоже стану опускать в твою копилку монетки. – На тётиных губах восстановился прежний синеватый оттенок; она даже улыбнулась чуть-чуть. – Когда копилка будет полная, купишь себе какую-нибудь хорошую вещь. Копилка очень организует детей.

Тётя Рая проследовала на кухню готовить обед, и лицо у неё было такое важное, словно она прочла лекцию в университете.

Толик долго сумрачно пыхтел, двигал ёжиком на голове, наконец выкрасил собачий нос фиолетовыми чернилами. А во дворе пожаловался ребятам:

– Собаку какую-то мне на стол поставила... Уродину.

– Да пусть стоит, не ругаться же с тёткой из-за собаки, – посоветовал обстоятельный Мишка. – Кормит-то она тебя как?

– Кормит хорошо, вкусно, – признался Толик.

– Не дерёт?

– Нет.

Ребята решили, что с такой тёткой жить можно. А если начнёшь с ней ссориться, – напишет родителям, чего доброго.

Тётка серьёзно взялась за воспитание «бедного мальчика». Она проверяла у него уши после мытья. Заставляла подвязывать салфетку за обедом. Не разрешала класть локти на стол и свистеть. С этим бы Толик смирился. Но тётка запретила ему громко петь, бегать по коридору и, самое унижительное, прикалывала к его воротнику белый шёлковый бант. Толик, выходя гулять, ещё на лестнице снимал его и прятал в карман. Тётя запретила Толику говорить: «Мишка, Кешка».

Каждый день тётя проверяла Толиков дневник. Толик учился вполне прилично. Двоек у него никогда не было, тройки изредка попадались. Зато за каждую хорошую отметку тётя Рая опускала в копилку двухкопеечные монеты. За четвёрку – четыре, за пятёрку – пять. Делала она это важно и со вкусом. Медленно выпускала монетки из пальцев и прислушивалась к звуку, который они рождали в тёмной глубине фаянсового уродца. А когда Толик принёс табель за первую четверть, тётя подняла копилку и потрясла её около Толикова уха. В животе у собаки глухо зазвенели монеты. Тётя улыбнулась значительно и поставила собаку на место. Толик подождал, пока тётя вышла в кухню, и принялся шарить в своём столе, в карманах, даже в старом папином пальто, которое висело на вешалке в коридоре. Он разыскал несколько медяков, немного серебра, бумажный рубль и запихал все эти деньги в копилку. Поднял её и потряс, как тётя, около уха. Ему показалось, что монеты звякнули веселее и громче.

– Рубля два, наверное. Всех ребят в ки- но сводить можно... Тётя Рая! – закричал он. – Тётя Рая!..

Тётя Рая возникла в дверях, держа на весу перепачканные в муке руки.

– Тётя Рая, пора уже её разбивать... Деньги доставать...

Брови у тёти Раи поползли вверх, а уголки губ – вниз.

– То есть как это пора?

Толику не хотелось говорить, что он поведёт всех ребят в кино. Он подумал минутку и заявил:

– Я кирзовую покрывку покупаю... для футбола.

Тётя скривила губы.

– Откуда у ребёнка может быть фантазия!.. Покрывку!.. Какие-то дикие желания... Копилку мы разобьём торжественно, когда она наполнится вся. В ней будет рублей десять или двадцать. Что можно купить на такие деньги?

– Ружьё! – выпалил Толик.

– Можно и ружьё, – согласилась тётя. – Можно, но не нужно. Ты ещё мал, и ружьё тебе ни к чему... Хороший фотоаппарат, например.

Об этом стоило подумать. Фотоаппарат – вещь безусловно дельная: можно всех ребят во дворе фотографировать.

Толик решил копить деньги.

Кроме завтраков, бутербродов, завёрнутых в вощёную бумагу, тётя давала Толику каждый день по десять копеек на молоко. Толик честно ходил в столовую и выпивал стакан молока за шесть копеек, а на остальные покупал конфет. Однажды Толик заигрался на большой перемене и забыл про молоко. А когда вспомнил, то уже пора было идти домой. В этот день его сбережения пополнились сразу на гривенник. Толик опустил его в копилку, и тут его осенила блестящая мысль: можно прожить и без молока. Зато денежки.

Теперь Толик каждый день осторожно, чтоб не видела тётка, запихивал гривенники в свою копилку... Он даже по улице стал ходить с опущенной головой. Бывает ведь: находят люди деньги. Вот Мишка один раз целый рубль нашёл. Все тогда так наелись мятных конфет – даже язык щипало и щёки изнутри словно облезли.

Толик и учиться стал лучше, чтобы тётя побольше клала в копилку монет. Нет ничего позорного в том, что человек честно копит деньги на фотоаппарат. Ребята даже поощряли Толикову затею. Правда, Мишка ворчал, что Толик берёт от тётки деньги за хорошие отметки.

– Ты смотри, не очень-то уж перевоспитывайся... А то будешь гога с бантом.

После Октябрьских праздников, когда на улице выпал первый крепкий снежок, Кешка позвал Толика на угол к лоточнице, купить конфету. Кешка долго выбирал, глотая слюну.

– Купи вот эту с белым мишкой, – подталкивал его Толик. – Она, смотри, большая, из чистого шоколада.

Кешка купил конфету, прочертил ногтем посередине полоску. Половину откусил сам, половину дал Толику.

– С вафлями, – шептал Толик. – Вот бы такие каждый день!..

Кешка молчал, боялся упустить изо рта хоть капельку растаявшего шоколада; наконец он облизал перепачканные, сладкие пальцы.

– Ну, покупай теперь ты.

Толик проглотил сладкую слюну, шагнул к лоточнице. Под стеклом лежали всякие конфеты: и толстые, и тонкие, и шоколадные, и леденцовые. Толик выбрал самую дорогую, с петухом на фантике, храбро вытянул из кармана двугривенный, но, когда подавал его продавщице, в груди что-то сжалось, и он чуть слышно пробормотал:

– Мне вот эту... за две копейки.

Кешка посмотрел на Толика исподлобья, растерянно и удивлённо. Потом вздохнул и, ничего не говоря, пошёл в подворотню.

Свертел Толик дома из бумаги трубку, сплющил ей конец и подул. Трубка загудела. «Изобрёл!.. Надо ребятам показать!..» Толик выскочил во двор, повертелся возле поленниц. Но никого, кроме Людмилки да самых маленьких малышей, во дворе не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.